

Впервые я увидел ее в театре. Она стояла у входа в зал, такая маленькая и грустная, в цветочном платье до колен. Ее русые волосы волнами ложились на хрупкие плечи, маленькие ручки, чуть видневшиеся из-под длинных рукавов серого кардигана, сжимали прочную лямку черного рюкзака. Все ее естество излучало какую-то детскую невинность. Я не мог оторвать глаз от нее. Знаете, это была та самая любовь с первого взгляда, о которой все так много говорят. Мне казалось, что я знаю ее всю жизнь, знаю все ее тайны и секреты, все потаенные уголки ее сознания казались мне такими знакомыми... Такое бывает только однажды: ты смотришь на человека и понимаешь, что тебе больше не нужно ничего, что вот она, та единственная, которую ты ждал всю жизнь. Мне хотелось в ту же минуту подбежать к ней, прижать к себе, зарыться носом в ее выющиеся волосы и никогда больше не отпускать. Ни на секунду...

Но я не стал. Побоялся. Впервые я побоялся подойти к девушке. Хотя я практически никогда этого и не делал. Девицы сами вешались мне на шею. Они всегда липнут к талантливым парням, особенно к музыкантам, особенно к тем, у кого приятная внешность. Быть может, для кого-то я даже был кумиром. Но не для нее. Она не знала меня. И, кажется, не захотела бы знать. И музыку, что я играю, она не слушала. Я был уверен в этом. Ей подходит что-то меланхоличное, что-то легкое и мелодичное. Тогда мое сознание было затуманено одной единственной безумной идеей — заполучить ее. Немного позже я узнал, что ее зовут Оливия, ей 18 лет и учится она в здешнем колледже. Я приезжал каждый день к нему, наблюдал за своей возлюбленной и мечтал, что когда-нибудь и она полюбит меня. Не нужно думать, что я какой-то нерешительный неудачник. Это не так. Я просто боялся спугнуть ее. Я боялся отказа. Это похоже на безумие. Я просто сходил с ума.

Когда я видел ее, мои мысли были лишь о том, как я снимаю с нее это цветочное платье и нахожу под ним черное кружевное белье. Я думал о том, как прижмусь сзади, проведу рукой по ее талии, сожму маленькую упругую грудь, поцелую в шею, а Лив начнет постанывать от моих ласк. Я желал ее. Жестко и беспощадно. Это было похоже на животный инстинкт. Я просто не мог сдержать себя. Но реальность оказалась жестока — моя мечта даже не смотрела в мою сторону. Даже когда я «случайно» столкнулся с ней в парке, она лишь пробормотала тихое «извините» даже не взглянув на меня. Именно в тот момент я понял, что нужно начинать действовать. Безумие полностью охватило мое сознание и творило все, что ему вздумается. Я знал, что по средам она задерживается в колледже до темна. Именно этот день я выбрал для осуществления своего плана. Как сейчас помню, вечер тогда был темнее, чем обычно, словно он пытался помочь мне совершить задуманное. Я дожидался ее у поворота в переулок, где стояла моя припаркованная машина. В руке у меня был платок, смоченный в хлороформе. Да, из меня получился бы неплохой маньяк.

Спустя буквально пару минут я увидел такой до боли знакомый силуэт. Лив смотрела в пол, как всегда. И вот она уже подходит ко мне и... Я не смог. Я смотрел ей в след и понимал, если не сделаю это сейчас, то больше шанса может и не быть. — Оливия... Лив! — окликнул ее я, догоняя. Мое сердце так бешено билось, что казалось вот-вот выскочит из груди. Мне просто хотелось накинуться на нее прямо там, на улице, но я держал себя в руках. Она резко обернулась. Ее глаза источали испуг. Я медленно подходил к ней, рассматривая очертания ее

прекрасного лица. — Прости... — чуть слышно сказал я тогда и прижал платок к ее лицу. Она билась, старалась вырваться и кричать, пока ее тело не обмякло и оказалось прямо в моих объятьях.

Я смутно помню, что было дальше. Помню только то, что был безумно счастлив. Я был уверен, что она полюбит меня, как только узнает какой я. Я просто был уверен в этом...

Она лежала на моей кровати. Ее волосы были разбросаны по белоснежной подушке, дыхание было неровным, обрывистым. Я просто сидел рядом и любовался, ни капли не жалея о содеянном. В тот момент я был слишком счастлив, чтобы думать о правильности своего поступка. Когда она проснулась, то жутко испугалась. В ее глазах застыл ужас. Она явно не понимала, что происходит и уж точно не думала, что я не причиню ей вреда. Я пытался ее успокоить, объяснял, что так нужно, что она мне нужна. — Я... я знаю Вас. Я видела Вас тогда, в театре. Вы так смотрели на меня... Вы убьете меня? — выдала моя маленькая пленница. Сказать, что я был шокирован, значит не сказать ничего. Я был в ужасе. Весь мой план покатился к чертям. Она меня видела. Это ломало всю игру. Я просто ошарашено смотрел на нее и не знал, что ответить.

— Я Вас не боюсь. И смерти тоже. — тишину снова нарушил ее чуть хриплый голосок. Я уставился на нее, не понимая, суицидница она, или просто храбрая. Встав с кровати, я подошел к окну. — Ты все испортила... — только и смог тогда сказать я. — Что испортила? Жертва не должна была знать, что она жертва? Интересно. А, или Вы рассчитывали на мой страх. Ну что ж, прошу прощения, что не боюсь Вас. — до моих ушей снова донесся ее голос. Я был в замешательстве. Любовь к этой смелой девочке смешалась с яростью и желанием. Обернувшись, я увидел, что она стоит в паре шагов от меня, сверля презрительным взглядом. Признаться честно, это выглядело очень забавно: надутые губки, скрещенные на груди руки, растрепанные волосы — все это было так по-детски мило, что на пару секунд вся моя злость утихла, и мне хотелось просто чмокнуть ее в макушку. Но вместо этого я моментально оказался перед ней, так близко, что через рубашку чувствовал ее дыхание. Она была такой маленькой. Едва доставала макушкой до моего плеча. Но мне это безумно нравилось. Она не была похожа на всех этих девиц на шпильках и в платьях, которые едва прикрывали все их прелести. Она была настоящей. Я смотрел на нее сверху вниз, понимая, что больше нет сил сдерживаться. Мои руки обхватили ее милое лицико и наши губы соприкоснулись. В этом поцелуе было столько нежности, столько любви... Жаль, она этого не заметила и влепила мне жгучую пощечину. Ее глаза источали злобу. Тогда я решил уйти, заперев ее в комнате. Я боялся, что могу навредить ей, если сорвусь. Она ведь была ребенком...

Как только мои эмоции перестали бушевать, я решил попробовать снова пойти с ней на контакт. Когда я вошел в комнату, то увидел ее на кровати. Она поджала колени к груди и тихонько плакала. В тот момент, когда я увидел свою малышку плачущей, когда я понял, что это происходит по моей вине, я испытал самую диковинную боль в своей жизни. Я побежал к ней, сел рядом, стал собирать слезы с покрасневших щечек, говорить что-то о том, что люблю ее, что не хотел ей навредить. Я прижал ее к своей груди, гладил по растрепанным волосам и шептал лишь одно: «прости». От ужина она отказалась. Ее голоса я тоже больше не слышал. Она просто сидела и молчала, иногда поглядывая на меня обиженным взглядом. Была уже поздняя ночь, и я подумал, что она устала, что хочет отдохнуть.

— Душ за этой дверью. Тебе нужно умыться и попытаться уснуть. — я положил на край кровати шелковый халат и вышел из комнаты. Вспоминая это сейчас, я понимаю, что она

могла сбежать когда угодно, если бы захотела. Но она оставалась со мной. Я сидел в своей комнате и думал... думал о ней. О той, что сейчас находилась за стеной. Больше всего я боялся, что она возненавидит меня. Тогда я решил, что должен пойти к ней и рассказать всё. Просто всё. Как я увидел ее, как полюбил, как понял, что до нее моя жизнь не имела смысла. Я ворвался в ее комнату, но там меня поджидала пустота. Оливии там не было. Первая мысль была о том, что ее телу еще стекали капельки воды, мокрые волосы прилипли к бледному лицу. Я смотрел на все это великолепие и понимал, что сейчас сделаю то, о чем так долго мечтал. И я сорвался... накинулся на нее точно дикий зверь, скинул с нее этот несчастный халат и впился в такие манящие губы со всей страстью, которая только могла во мне быть. Я затащил ее в душевую кабину, в которой все еще была включена вода. Одежда моментально намокла и стала тяжелее, но в тот момент мне было плевать. Плевать на все. Я просто хотел ее.

Из ее уст вырывались слова протesta, невнятно, почти шепотом. Маленькие кулачки упирались в мои плечи, пытаясь оттолкнуть, но глаза... ее голубые глаза умоляли не прекращать эту сладкую пытку. В какой-то момент мне даже показалось, что ей по душе моя напористость и грубость. Я стянул с нее это чертово белье, повернулся и прижал лицом к стенке душевой кабины. Она просила прекратить, но ее мольбы о пощаде лишь еще больше возбуждали меня. Прижавшись к ее спине, я целовал тонкую шею, мои руки блуждали по ее телу, сжимали грудь, поглаживали талию. Маленькие хрупкие ручки, которые всеми силами старались мне помешать, пришло держать за ее спиной. Я снял с себя одежду и теперь уже кожей хотел почувствовать свою девочку. Помню, как прижимался грудью к ее спине, как она нервно дышала, как горячая вода делала нас единственным целым. Еще помню, как намотал на кулак ее волосы и потянул их на себя. Тогда она впервые издала стон. Я почти был уверен, что ей это нравится. Когда я начал двигаться в ней, она кричала, плакала. Я хотел остановиться, правда, хотел, но желание было сильнее меня. Поэтому я лишь обещал, что ей будет хорошо, просто нужно потерпеть. А когда она снова стала вырываться, я ударил ее. Ну, как ударил. Хорошенько шлепнул по упругой попке. Но она вскрикнула так, что я даже испугался.

Я развернул ее лицом к себе и снова страстно впился в сладкие губы. Можно сказать, что поцелуй был взаимным, ибо, когда якусал ее нижнюю губу — она делала то же самое. «Не дергайся, иначе будет хуже» — с наигранной строгостью тогда сказал я. Я хотел, чтобы все было идеально, хотел, чтобы все было взаимно. Видимо, мои слова были убедительными, раз она стала стараться двигаться со мной в такт. Ее коготки впивались в мою грудь, когда я ускорял темп. С ее уст срывались стоны, стоны удовольствия. Ножки, обвивавшие мои бедра, прижимались к разгоряченному телу все сильнее. Она задыхалась, задыхалась от удовольствия. От осознания этого мое желание лишь усиливалось. Как сейчас помню ее жаркое дыхание на моей шее, струйки воды, стекавшие по бледной коже, ладони, скользящие по моей шее. Ее пальчики зарывались в мои смоляные волосы. Я, глубоко дыша, шептал ей на ухо свое имя, просил назвать его. Мне хотелось услышать его именно из ее уст. Темп был бешеным, я чувствовал, что еще немного и все закончилось. Моя послушная девочка со всей силы сжала кулачки и выкрикнула мое имя вперемешку со сладким стоном, а после обмякла и уткнулась щекой в мою грудь.

Я укутал ее в белое махровое полотенце и отнес в комнату. Она не произносila ни звука, лишь дрожала в моих руках, как осиновый лист. Уложив ее в теплую постель, я лег рядом, накрыв нас мягким пуховым одеялом. Оливия повернулась ко мне спиной и отодвинулась на

самый край кровати. Она свернулась в комочек, словно маленький котенок. Я понимал, что совершил ошибку, но, черт возьми, если бы мне выпал шанс вернуться назад — я не поступил бы иначе. Это было слишком прекрасно. Но любимая не разделяла моих восхищений.

— Ну, скажи хоть что-нибудь... — прошептал я, повернувшись в ее сторону. Ответила мне лишь оглушающая тишина. Я боялся прикасаться к Лив, боялся, что теперь я ей противен. Что все мои надежды на ее любовь рухнули. Но как же я тогда ошибался... — Прости... — еле слышно пробормотал я. Оливия повернулась и стала осторожно придвигаться ко мне. Ее большие, полные детской невинности, глаза взглянули в мои, словно спрашивая разрешения. Получив утвердительный кивок, она положила свою голову мне на грудь. Я поцеловал ее в макушку и стал гладить по еще влажным волосам. Мы лежали так час, может два, пока я не услышал, как сладко засопела моя маленькая девочка.